

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.31>

Пенионжек Евгения Владимировна

Рациональность средневековых авторов в понимании времени

Цель исследования - выявить особенности складывания в рамках средневековой культуры идей о времени, истории и месте человека в мире. В качестве основания мысли святоотеческой литературы автор называет идеи систематического богословия Александрийской школы. Изложено понимание методологических установок к формированию рациональности средневекового мировоззрения. Научная новизна заключается в анализе воззрений на представления о времени и человеке Аврелия Августина и Дионисия Ареопажита, которые, аллегорически истолковывая тексты библейского корпуса, стремились к рационально обоснованному пониманию времени как источника бытия. В результате доказано, что для западного Отца Церкви время является линией с четко фиксированным включением человека в мир, но для взглядов восточного Отца Церкви характерно определение времени как элемента иерархии бытия, где человек понимается призванным соединиться с Богом в окончании истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/31.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 172-175. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: h1st@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.31>

Дата поступления рукописи: 13.09.2020

Цель исследования – выявить особенности складывания в рамках средневековой культуры идей о времени, истории и месте человека в мире. В качестве основания мысли святоотеческой литературы автор называет идеи систематического богословия Александрийской школы. Изложено понимание методологических установок к формированию рациональности средневекового мировоззрения. **Научная новизна** заключается в анализе воззрений на представления о времени и человеке Аврелия Августина и Дионисия Ареопагита, которые, аллегорически истолковывая тексты библейского корпуса, стремились к рационально обоснованному пониманию времени как источника бытия. **В результате** доказано, что для западного Отца Церкви время является линией с четко фиксированным включением человека в мир, но для взглядов восточного Отца Церкви характерно определение времени как элемента иерархии бытия, где человек понимается призванным соединиться с Богом в окончании истории.

Ключевые слова и фразы: патристика; средневековый рационализм; время; историософия; человек.

Пенионжек Евгения Владимировна, к. филос. н., доц.

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Екатеринбург
penionzhec@yandex.ru

Рациональность средневековых авторов в понимании времени

Актуальность темы исследования обусловлена интересом к тысячелетнему развитию средневековой культуры, которая породила уникальные формы рассмотрения времени, истории и места человека в мире. Цивилизация Средневековья с момента проповеднической деятельности Иисуса Христа до времени, когда комплекс библейских текстов стал единственным определяющим все смыслы культуры текстом, опиралась на философские поиски. Для достижения цели исследования необходимо решить **задачи**: 1) раскрыть фундамент рассуждений Отцов Церкви; 2) рассмотреть корреляты историософских идей западных и восточных писателей в виде методологических установок средневекового рационализма; 3) выявить различия в понимании места и роли человека в истории мира у святоотеческих мыслителей.

Для осмысления историософских составляющих средневекового мышления применяются диалектический, герменевтический и исторический **методы исследования** с позиций системного подхода к анализу средневековых реалий.

Теоретической базой являются: научные труды историков культуры Э. Целлера, П. М. Бицилли, С. С. Аверинцева (которые рассматривают ценностные составляющие духовных устремлений средневековых авторов) [1; 2; 10], а также составляющие идейного наследия комплекса ареопагитик [3].

Практическая значимость исследования характеризуется вскрытием положений философско-исторического дискурса в связи с философской антропологией, что позволит переосмыслить современное понимание человека и скоординировать вектор развития гуманистической парадигмы знания.

Первым этапом средневековой христианской философии стал патристический этап – период творчества Святых Отцов Церкви, продолжающийся до VIII в. В свою очередь, период святоотеческих сочинений состоял из времени апологетической патристики и систематического богословия. Апологеты, продолжая дело апостолов, стремились оградить христианское учение от ересей гностицизма, манихейства, но, не создав целостной философской системы знания, полемически задали направление для развития богословия в рамках деятельности Александрийской и Антиохийской школ. Систематическое богословие, начавшись деятельностью известной Александрийской школы, позволило соприкоснуться эллинистической и восточной культурам благодаря греческому языку, на котором писались сочинения мыслителей (Аристобула, Климента Александрийского и других). Последователи этой школы, аллегорически истолковывая ветхозаветные изречения, пытались умозрительно рассуждать о душе, телесности, материальности, божественной премудрости. Климент Александрийский, Ориген сочетали библейскую мысль и ценности культуры эллинизма, которые основывались на традиции представления времени как подвижного образа вечности: Божественная сфера как вечное способствует вечному вращению космоса. В общественной мысли эллинов бытовало утверждение о том, что космический порядок в противовес хаосу основывается идеальной формой правления, воплощением которой является царь, управляющий на основании созерцания идей. Так философы Александрийской школы пришли к выводу о том, что конструирующим принципом истории становится политическая деятельность [8, с. 15].

Философская мысль Античности рассматривается Климентом Александрийским и Оригеном как учение, подготавливающее мышление к восприятию христианской истины. Сочинения Платона, Пифагора объявлялись последователями Александрийской школы, написанными под впечатлением книг Танаха [10, с. 236]. Философское знание расценивается мыслителями Александрийской школы как Логос, являющийся связью для божественной сущности и мира [Там же, с. 237]. Такой синтез ведущих для той эпохи направлений мысли привел богословие к виду философско-теологических умозрительных схем в отличие от буквального понимания текстов Священного Писания представителями Антиохийской богословской школы, которые пытались найти точки соприкосновения греческой культуры и иудейской религии: противопоставление Бога и мира, веру в откровение и прорицание, представления об ангелах, Божьем духе, Божьей премудрости.

Учения Отцов Церкви стали продолжением поисков апологетических писателей и заложили основы для формирования символического мировоззрения всей эпохи Средних веков. Отцы Церкви стремились к познанию

сверхрационального рациональными методами: благодаря аллегорическому истолкованию и толкованию мистика и единичное, и множественное расценивались как единое символическим мышлением в целостном бытии божественного творения. Впоследствии схоластическое знание, укорененное в патристическом этапе средневековой христианской философии, попытается доказать единственный тезис о том, что между разумным знанием и Откровением нет никаких действительных противоречий. Преследуя эту цель, схоластика доходит до собственного самоотрицания. Такой синтезированный средневековый рационализм, сочетаясь с мистикой христианской доктрины, производит идею об опытном познании мира, которое тем не менее согласуется с богословием. Схоластическое знание будет стремиться «прочитать текст» мира через опыт, увидеть и содержание слова, его значение, и само слово, его форму. Мир, преломленный сквозь призму языка о мире, видится схоластам как наполненный разнообразными символами, которые надо трактовать, исходя из экзегетических установок. Схоластическая философия определит настоящую действительность как неокончательную, в связи с этим сформируется своеобразное вертикальное мышление, эмоционально выражавшееся в священном трепете перед трансцендентностью бытия, его крайними пределами.

Рациональность выражалась в особом языке Средневековья – метафоричности. Как пишет историк культуры П. М. Бицилли, «язык не успел догнать мышление» [2, с. 67], и далее: «...войти в круг мыслей средневекового человека» [Там же, с. 68] возможно через слова, которые воспроизводят смысловую нагруженность признаков понятия размышлениями многих мыслителей. Всякое понятие средневековой философии выражается не дефинициями, но актом, который усугубляет этот акт. Понятия средневековой реалистичности – не производные отвлеченного мышления, а лишь отражение в понятиях результатов внутреннего опыта, открывающего человеку в каждом его переживании действительность. Уильям Оккам (последователь номинализма) в XIV в., ссылаясь на практику рациональности, утверждает, что разум человека должен быть отделен от его веры. Разум не в состоянии дать человеку истинное постижение бытия. Опыт как переживание Откровения способствует укреплению веры [9, с. 97].

Метафоричность дополняется интуитивным познанием, формирующим абстрактное познание. Принципом средневекового мышления становится выражение: «Дух видит и видит зрение, которым он видит» [2, с. 73]. Мышление отталкивается от понимания Бога, иерархически представляя мир, подчиненный Богу, снимает единство, производя понимание множественности материального мира. Но над материальным миром возвышается мир чистых понятий, считают мыслители. Земной мир является символом мира небесного. Все вещи носят отпечаток божественного. Всякая абстрактная идея имеет предметное бытие: Средневековье не мыслит абстракции без ее конкретного воплощения.

Историческое время в случае использования такой методологии мышления объявляется не чем иным, как символом Священной истории. Различия между абстрактной идеей Священной истории и ее образным символом средневековыми мыслителями не проводится. «То, что мыслится логически в иерархии – это последовательность, которая смешивается с временной последовательностью» [Там же, с. 146], где вещи располагаются, во-первых, логически, во-вторых, по достоинству и, в-третьих, по времени. Время – это последовательность, но не логического прохождения стадий, а «порядок следования субстанций различных родов, так что эти субстанции стремятся к общей цели» [Там же, с. 65-66]. Во внутреннем опыте человеку дается непосредственная связь между иерархической и временной последовательностью: сначала созерцаются низшие символы, потом – высшие.

Значительной фигурой для развития философского и философско-исторического знания стал представитель западной патристики Аврелий Августин, чье учение о двух Градах – небесном и земном – оказало значительное влияние на все последующее развитие христианской историософии. Жизнь Аврелия Августина после принятия им христианства считается по традиции образцом христианского образа жизни и служения [7, с. 100]. В православии он признан блаженным, в католицизме – святым и Отцом Церкви. В первые века христианства слово «блаженный» по отношению к праведнику употреблялось примерно так же, как и слово «святой». Такое наименование основывалось на народном почитании. В понимании русских наименование «блаженный» может относиться к Отцам Церкви, вокруг признания деятельности которых были споры (Аврелий Августин, Иероним, Феодорит Кирский), а также к юродивым (канонизированным или неканонизированным).

Исторический процесс представляется Аврелию Августину целенаправленным, линейным временем ввиду того, что Град Божий постепенно усиливает свое влияние в противовес Граду Земному, государству. Аврелий Августин не различает модусы времени: прошлое, настоящее, будущее. Для него время является реальностью, в которой осуществляется высшая воля. В философии истории Аврелия Августина нет трехмодусного исторического времени, нет самой истории: он получает знание через внезапное озарение, но не из анализа событий прошлого. Человеческое сознание для него – пример истории как истории Иисуса Христа, а человеческий разум выражает принцип образа и подобия человека Богу. Поэтому во внутреннем опыте человек должен постигать божественный замысел и видеть линию истории в самом себе, считает Аврелий Августин. Сознание человека имеет вневременной характер, так как его источником является божественный разум.

Учение о Троице (соотношении божественных ипостасей) Аврелия Августина основывается на том убеждении, что Бог реализуется в процессуальном диалоге самопознания. Если время для Аврелия Августина неподвижно, то Троица имеет движение. Время для Бога – это сфера осуществления его замысла. Время – это реальность постепенного наполнения благодатью для восстановления человека в его равноправии с Богом. Согласно Аврелию Августину, спасение человека зависит от действия благодати в человеческом сердце, которое не способно «выбирать», но способно «исполнять» завещанное Иисусом Христом. Такой порядок вещей для Аврелия Августина является совершенно устроенным бытием. Бог, по Аврелию Августину, определяет время для обретения действительного бытия. История – это процесс достижения этого «времени», вечного мира в Боге.

В противовес эмоциональным рассуждениям Аврелия Августина в сочинениях восточных Отцов Церкви было четко выражено аллегорическое истолкование времени, представленное корпусом библейских текстов. Византийская философско-богословская мысль – это значительный этап осмысления накопленного знания христианской философии. Если для мыслителей западноевропейского Средневековья христианская вера была предвестием нового, то византийские авторы перемещают акцент в понимании времени на предвечное [5, с. 86]. Мистика в понимании времени, являясь плодом их мышления, едва зародившись в уме богослова, отходит на второй план. Мистические учения Византии не имели внешне мистической окраски, развиваясь в русле апофатической теологии. Византийские авторы не подвергают ни малейшему сомнению указание на реалистичность изложения в тексте Библии: им были понятны самые разнообразные символы, эсхатологическое время истолковано. Экзегетика как истолкование с целью имманентного присутствия в реальности истолковываемого текста, а не передача той или иной его интерпретации – становится ведущим направлением мысли.

Увлекает византийских писателей тема поддержания идеологии мощной державы, благой государственности Восточной Римской империи. «Мировая полнота в целом оценивалась как нечто “благое”, нечто упорядоченное, нечто целесообразное и смыслообразное, то есть отвечающее эсхатологическому назначению и символическому содержанию... необходимо конечное в пространстве и времени» [1, с. 109]. Бытие представляется упорядоченным в дихотомии онтологических понятий: материя – умопостигаемый мир идей и, следовательно, время – вечность. Граждане Восточной Римской империи считали себя преемниками Рима, по-гречески «ромеями». Если именно апостолу Петру Иисус Христос вручил ключи от земного мира, то Константинополь оказывался первым в цепочке наследования благодати. К линии «человек – история» добавлялось понятие «государство», привнося в понимание времени социально-исторический контекст.

Именно эту линию «человек – история – государство», продолжающую идеи античной философии истории, но синтезированную с новыми методологическими установками средневековой рациональности, можно проследить в корпусе сочинений христианского автора Псевдо-Дионисия Ареопагита с комментариями Максима Исповедника. Авторство корпуса сочинений Дионисия Ареопагита до сих пор остается под вопросом: или автором корпуса текстов, приписываемых Дионисию Ареопагиту, является грузинский философ Петр Ибер, а возможно, легенда, на которую указывает название корпуса текстов, оказывается правдивой. Далее Псевдо-Дионисия Ареопагита мы будем называть Дионисием Ареопагитом и не будем вдаваться в детали историко-философского спора, для нас важным является лишь то, что этот корпус сочинений, приписываемых Дионисию Ареопагиту, является примером четко выраженной экзегезы.

Согласно экзегетическим установкам теологического знания, чем ближе по времени толкователь к моменту самого Откровения (а им всегда выступает либо Священное Писание, либо творения Отцов Церкви), тем истинней его реконструкция исходного текста. Автор корпуса ареопагитик сообщает, что нарочно называет себя Дионисием Ареопагитом по причине желания приблизиться к времени одного из путешествий ап. Павла (ок. 50 года н.э.), о котором повествуется в книге Деяний апостолов (см.: 17:13-33), входящей в состав Нового Завета. Одним из основоположений экзегетики и является установка на максимальную близость самого автора-толкователя ко времени исходного откровения. Этим и объясняется псевдоавторство текста корпуса ареопагитик как выражение экзегетических установок этого текста. Для экзегетики ведущим способом истолкования является внутреннее нахождение в реальности истолковываемого текста, а не передача той или иной интерпретации. Возможно, что использование автором корпуса ареопагитик имени Дионисия Ареопагита (гражданина Афин) указывает на основание христианской экзегетики в герменевтике (греч. “hermenevo” – истолковываю) как способа постижения внутреннего смысла религиозных практик оракулов. Благодаря интерпретации текстов Дионисия Ареопагита Максимом Исповедником учение Дионисия Ареопагита получило признание восточного христианства. Центром изысканий Максима Исповедника становится антропологическая проблематика [4, с. 58]. Историю мира он делит на период подготовки воочеловечивания Бога, то есть ветхозаветную эру, и период подготовки обожествления человека. Спасение тварного Максим Исповедник называет символами объединения тварного Богом. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника стал известен со времен Константинопольского собора в 533 г.

В сочинении «О церковной иерархии» Дионисий Ареопагит раскрывает учение о Троице как начале иерархии, божественной причины всего сущего. Как пишет Дионисий Ареопагит, из Троицы изливается бытие сущим через благодать. Троице оказывается свойственно разумное желание спасения человечества. Спасение происходит путем обожения спасаемых. Обожение – уподобление Богу и единение с ним. Путь, возводящий человека к своему небесному жребию – это предание о воскрешении. Несомненно, Дионисий Ареопагит имеет в виду предание о воскрешении в «Откровении Иоанна Богослова». Первое движение ума к Богу – это любовь к Богу. Начало любви – сотворение человека способным существовать. Далее Дионисий Ареопагит продолжает: божественный свет вечно простерт для умственного взора и может быть воспринят как присутствующий. Дионисий Ареопагит утверждает, что, имея начало в тленном рождении, человеческая природа приведена к соответствующему началу концу. Как пишет Дионисий Ареопагит, Бог наполняет божественным светом человека, указывая путь восхождения к Богу при священном уподоблении ему. Взойдя, человек со-умирает в крещении с Иисусом Христом. Смерть не означает небытия сущности. Смерть – это разъединение соединенного, возводящее душу в невидимость. Дионисий Ареопагит сообщает, что при освещении умов Богом дается возможность увидеть Иисуса Христа. Каждый человек увидит Бога в окончании мира. Смерть – возвращение человека к блаженному уделу – это восхождение к Иисусу Христу. Цель церковной (а значит, в византийском государстве – сообразной закону) иерархии состоит в возведении к духовному служению, где руководители – люди, посвященные в таинства Моисеем. По Дионисию Ареопагиту, иерарх, зная непреложные обетования будущего, присутствующим объясняет, что будет дано в божественной жизни скончавшимся. В подстрочном комментарии Максима Исповедника указывается: «присутствующим» – значит, «праведным и благочестивым».

В сочинении «О мистическом богословии» Дионисий Ареопагит заявляет: «...неудержимым и абсолютным из себя и из всего испуганным... и от всего освобожденным, ты будешь возведен к пресущественному сиянию божественного к началу. Тьма непостижима. Кто превосходит, одолевая вершины, оставив свет, звуки, вступает во мрак, где воистину пребывает тот, кто вне всего» [3, с. 756]. Созерцая божественное, человек обнаруживает превышающее всякое мышление присутствие Бога. Человек оказывается способен понять сверхразумное благодаря своему незнанию. Дионисий Ареопагит указывает, что мистик, входя в сущий выше ума мрак, обретает совершенную бессмысленность и неразумие. Так беззвучное соединяется с невыразимым. Потому утверждение о божественном познании необходимо начинать с первичного как с последнего. Божественные объятия человек начинает ощущать с последней стадии своего восхождения [6, с. 138]. Поэтому мистическое богословие начинает свои пояснения с более удаленного. Целью мистического богословия является объяснение нового состояния человечества: оно будет последним в истории, но первым во времени тысячелетнего царства, которое является целью божественной истории. Так Дионисий Ареопагит поясняет принцип: «последние стали первыми», который для мистического акта богословия является основным.

Отцы Церкви – признаваемые как Западной (Аврелий Августин), так и Восточной церквями (Дионисий Ареопагит) – стремились, пользуясь аллегорическим истолкованием текстов библейского корпуса, к рациональному пониманию времени как источника бытия, которое, в свою очередь, коррелируя с самим понятием «время», представлялось им как временное, вневременное и надвременное. При этом сам корпус библейских текстов подвергался существенной обработке. Окончательная редакция корпуса библейских текстов завершилась лишь в VIII в. Объяснить время средневековые авторы стремились, исходя из субъективного переживания времени. Преображение реальности возникает при стремлении оставить земное, проникнув в иной мир вечного Божественного. В христианстве изначально заложено подобное стремление «вознестись на небеса и узреть Бога», данное человеку, оставившему земные помыслы и обратившемуся всецело к области чистого духа. «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное» – сказано в Библии. Аллегорическое истолкование библейского понимания времени способствует пониманию преображенной реальности, где земное преодолено и распространена вечная духовность.

Итак, мы можем сформулировать в качестве *выводов*, что для Аврелия Августина время является линией сущего с четко фиксированным началом пребывания человека в мире, а значит – и не менее ясно обозначенным Откровением окончанием личной истории человека; для идей Дионисия Ареопагита характерно определение времени как составляющего иерархии бытия, и развертывание времени происходит согласно принципу упорядочивания бытия, неизменно возвращающегося к возможности соединения с Иисусом Христом. Концептуально изложенное понимание времени как космического, исторического, эсхатологического сливалось в единый узел иерархизированного бытия, где человек рационально объявляется низшей, подчиненной, но при этом равноправной частью сотворенного Богом мира.

Список источников

1. **Аверинцев С. С.** Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. **Бицилли П. М.** Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.
3. **Дионисий Ареопагит.** Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб.: Алетейя, 2002. 864 с.
4. **Ионайтис О. Б.** Максим Исповедник: опыт христианской антропологии // Антропология: сборник научных статей / под ред. Б. В. Емельянова. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А. М. Горького, 2003. С. 57-72.
5. **Исаев А. А.** Бытие и существование человеческого и божественного в средневековой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (70). С. 85-88.
6. **Моисеев П. А.** Специфика антропологии Дионисия Ареопагита на фоне античной философской традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2006. Т. 4. № 2. С. 136-141.
7. **Орлов М. О., Мочинская К. А., Торяник Ю. А.** Смысл страдания в православном богословии и русской религиозной философии // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 8. С. 99-102.
8. **Пенионжек Е. В.** Русская средневековая философия: понятие «время». Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. 264 с.
9. **Хватова М. Б.** Вера как экзистенциальная проблема в русской философии // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 95-100.
10. **Целлер Э.** Очерк истории греческой философии. СПб.: Алетейя, 1996. 296 с.

Rational Understanding of Time in Medieval Culture

Penionzhek Evgeniia Vladimirovna, PhD

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg
penionzhec@yandex.ru

The paper traces formation of temporal, historiosophical and anthropological conceptions in medieval culture. The author justifies the thesis that systematic theology of the Alexandrian school served as a basis for patristic philosophy development. Methodological prerequisites for rational medieval worldview formation are revealed. Scientific originality of the study involves analysing anthropological and temporal conceptions of Saint Augustine and Dionysius the Areopagite who, allegorically interpreting biblical texts, aspired to develop rational understanding of time as a source of existence. The research findings are as follows: the author proves that the Western Father of the Church considers time as a linear concept, within which the place of a human being is strictly determined, whereas the Eastern Father of the Church considers time as an element of existence, where a human seeks to unite with the God as the end of history.

Key words and phrases: patristics; medieval rationalism; time; historiosophy; human being.